

Ольга ФУКС
 Фото предоставлены пресс-службой
 «Упсала-цирка»

КОГДА НЕ ВЫХОДИТ ТРЮК, ЦИРКОВЫЕ ГОВОРЯТ: «УПС!» Но, завалив трюк, НЕЛЬЗЯ УХОДИТЬ С АРЕНЫ — ТЕЛО НЕ ДОЛЖНО ЗАПОМНИТЬ ПРОВАЛ. И ТОГДА ЦИРКОВЫЕ ГОВОРЯТ: «АЛЕ!» — ВСТАЮТ И НАЧИНАЮТ СНАЧАЛА. ИЗ ЭТИХ СЛОВЕЧЕК РОДИЛОСЬ СТРАННОЕ НАЗВАНИЕ — УПСАЛА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ «УПСАЛА-ЦИРК» ПРИНИМАЕТ В СВОИ РЯДЫ ТРУДНЫХ ПОДРОСТКОВ, ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ, ДЕТДОМОВЦЕВ, ДЕТЕЙ, СКЛОННЫХ К БРОДЯЖНИЧЕСТВУ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ.

«Точка» бифуркации

Е

го идея проста. Упал — поднимись. Оступился — попробуй снова. Нащупай грань между смертельным страхом и безграничным счастьем, на которой

балансирует цирк. Найди на ней точку бифуркации и навсегда поверни свою жизнь к лучшему.

Возраст «Упсала-цирка» подростковый (появился на свет в 2000 году), и артисты — подростки, которым взрослые дяди и тётки часто навешивают эпитет «трудные». В 2000-м одна из создательниц «Упсала-цирка», режиссёр Лариса Афанасьева, подработывала в палатке на Невском, подкармливая уличных пацанов, другая, Астрид Шорн, искала возможность защитить диплом социального работника: у неё были шарики для жонглирования и одноколёсный велосипед (а позже именно она привлечёт в цирк первых спонсоров — немецких). Несколько пацанов за ними потянулись. В их распоряжении был весь Питер: улицы, парки, скверы — можно репетировать, пока не прогонят или не наступят холода. Чуть позже появились Ярослав и Пётр Митрофановы, настоящие цирковые акробаты. И остались насовсем.

Сегодня у «Упсала-цирка» есть прекрасный цирковой шатёр на Свердловской набережной — с душевыми, раздевалками, танцзалом, офисом, просторной кухней и прочими приятными местами (он появился только на двенадцатый год существования цирка и до сих пор остаётся единственным в России). Есть несколько подразделений («Особый ребёнок», «Цирк за забором», фестиваль «Летающие дети» и другие). Есть собственная школа, где из детей делают цирковых артистов, но лет через пять отбирают роли для подрастающих поколений: «Упсала-цирк» проходит, как и детство. И как детство, определяет всю дальнейшую судьбу. Есть солидный репертуар («Сторож снов», «Эффект пинг-понгового шарика», «Собаки», «Племянник», «Точка»). Есть серьёзная (более пятисот поездок) гастрольная деятельность по России и Европе. Есть международные премии. Есть собственный метод и собственная

Лариса Афанасьева

бизнес-модель, которая позволяет существовать самостоятельно и даже (предмет особой гордости создателей цирка) платить государству большие налоги. А в анамнезе — бесконечный поиск помещений, денег, борьба за детей: с пьющими родителями, с неумолимым директором детдома, с бдительными чиновниками, с шальными приятелями, которые тянут обратно, на дно. Бессменный директор и режиссёр «Упсала-цирка» Лариса Афанасьева показывает мне свой круглый уютный дом и рассказывает свою историю, где до сих пор не отличает «пораженья от побед».

Астрид

«Особый гэдээровский романтизм, переживания по поводу России, прошлой войны побудил нашу Астрид, которая училась на социального психолога, отправиться в Петербург. Дипломное задание выглядело так: поезжайте в какую-нибудь страну и сделайте там что-нибудь хорошее. Астрид выбрала Санкт-Петербург. И обнаружила там много «уличных» детей, с которыми попробовала делать театр. Но это слишком интеллектуальное занятие у неё не пошло — она поняла, что детей нельзя заставлять. Тогда она достала три шарика, которыми умела жонглировать, — и увидела ответную

XXXXXXXX

←—————→

**АВАЕТНО ДЕЖНО
СРОДАКТИ. ИХ
ПРИМЕНЬ ОБЩИЕМЕ
РОДАВНЕ ИЛИ МОЖЕТ
АБОЙНА ДОСТРОД
АКТИРОДА ДРУГИЕ
ИЛИ ВСЕГАНИЕЙ.
НАДЫДУЩЕЙСТЬ**

реакцию. Я познакомилась с ней, когда Астрид ещё не очень хорошо говорила по-русски. Ей было сложно адаптироваться, и вопрос, уехать или остаться, стоял очень остро. Помню, она как раз посмотрела фильм «Восток – Запад», вышла зарёванная, а я убеждала её, что нельзя бросить детей, которые уже пошли за тобой. И стала ей помогать. Астрид была страшно разочарована, когда увидела, что чиновникам проекты такого рода были не нужны, но хорошо, что она быстро это осознала. «Такова реальность, –

убеждала я её. – Не стоит закрывать дело, если государству не нужно то, что нужно тебе». К Астрид наезжали её немецкие друзья-коллеги (в Европе вообще очень развита цирковая педагогика), но сразу понимали, что здесь каши не сварить, – и уезжали. А она оставалась. Одно время вокруг неё было много этаких фриков-экспериментаторов, которые много разглагольствуют о современном театре, но, когда видят уличных детей, от которых плохо пахнет, предпочитают отойти в сторону. В общем, мы поняли, что надо искать людей, увлечённых цирком. И мы их находили – например, братьев Митрофановых (Ярослав Митрофанов до сих пор с нами – цирковой профи, выпускник школы мюзик-холла, готовый к любым экспериментам). Мы договорились, что будем делать качественный цирк, а быть просто аниматорами – это не для нас.

Нам всё время приходилось доказывать чиновникам необходимость выделить нам маленькое помещение, а они в ответ искали, в чём же наша выгода. Сейчас, спустя 16 лет, я могу сказать, что мы получили интересный опыт выживания и я за него даже благодарна».

Лариса

«Я училась в Улан-Удэ, в институте культуры на режиссерском. На третьем курсе мы поехали в Питер, и я так влюбилась в этот город, что с тех пор была одержима идеей вернуться. Поэтому поступила в АГИТМиК, на какой-то экспериментальный курс, с которого меня однажды выгнали, о чём я ничуть не жалею. В драматическом театре я не нашла ту меру правды и условности, которая мне важна. Вижу, как взрослые дяди и тётки играют в театр, но не вижу в этом праздника и счастья. Общение с детьми – совсем другая история. Тут самое главное – не надеть на них маску взрослого. Детское творчество, к сожалению, часто превращается в пошловатую имитацию взрослого мира: взрослые наслаждаются, а дети копируют модель поведения, потому что видят реакцию взрослых на эту пошлую милоту».

Чистый Макаренко

«Ты идёшь по улице и видишь: в Гостином дворе в рядочек сидят пацаны лет по восьми-девяти и нюхают клей. В Екатерининском саду (он же Катькин садик) явно процветала детская проституция. На Фонтанке была знаменитая столовая: детей там бесплатно кормили, тут же продавали наркотики, тут же шастали сутенёры. И столько было таких чердаков, подвалов, «точек». Ни на какую милицию рассчитывать не приходилось. Отдельные милиционеры как-то гоняли пацанов-токсикоманов, могли ребёнка из области за казённый счёт отправить домой. Но в целом система работала на этот бизнес.

У меня ещё до знакомства с Астрид была идея собрать этих пацанов, с которыми начала общаться на Невском проспекте. Не потому, что это ах как благо-

XXXXXXXX

родно помогать детям, а потому что это имеет САМЫЙ большой смысл: только решив проблемы детей, мы можем делать что-то ещё.

Система помощи детям до сих пор не отстроена. Просто за последнее время люди... стали сытыми, улучшили своё благосостояние с помощью кредитов. Москва и Питер теперь тусовочные города, отчасти поэтому беспризорных с улиц поубирали. Стали возникать какие-то приюты, транзитные службы, некоммерческие организации: эта беда достигла своего дна – и теперь кое-что начинает как-то решаться. Однако брошенные, потерянные, ненужные дети будут всегда.

Сейчас мы ищем ребят не на улицах, а, например, в коррекционных школах – процентов семьдесят попавших туда нуждаются не в коррекции, а в решении своих запущенных семейных проблем. Но нет: им ставят штамп коррекционной школы – и они идут с ним дальше по жизни. Недалеко от нашего цирка есть школа для детей с девиантным поведением, там учителя до сих пор ходят в белых халатах! Ничего не скажешь,

XXXXXXXX

XXXXXXXX

весело в этой школе. Ребята буйные – энергия в них бьёт через край: учителя не знают, что с ними делать. Но те, кто стал ходить в наш цирк, заметно меняются. Кого-то стараемся переводить в обычную школу, чтобы избавить от клейма коррекции».

Племянники

«Когда люди начинают работать с детьми с ограниченными возможностями, появляются две крайности. Первая такая: особые дети – ангелы, спустившиеся к нам на землю, дабы мы, грешные, что-то поняли и искупили свою вину. Вторая: они такие же, как мы, разницы нет, давайте ставить с ними Гоголя и Достоевского. Для меня и та, и другая позиция не имеет смысла. Как чуждо мне отношение к этой работе как к некоей высокой миссии (видела я в Германии коллектив, где говорили о служении 24 часа в сутки, и мне стало страшно, захотелось спрятаться от этого служения).

А смысл имеет (и тут мы сходимся с нашим режиссёром Яной Туминой, которая замечательно работает с особыми детьми) творчество и радость, которую мы созда-

ём, исходя из имеющихся у нас возможностей. Правильно говорит Яна: если мы будем использовать в творчестве только одну краску (например, выяснять, кто из нас ангел, а кто грешник), эта краска очень быстро сотрётся, перестанет воздействовать. Мне, как зрителю, неважно, кто передо мной – человек с синдромом Дауна или с оттопыренным ухом, мне важен тот образ, который он создаёт. Нас ведь не занимает эта проблема, когда мы смотрим фильмы Пазолини. В творчестве мы все – с синдромом, или с ухом, или с короткой ногой – части общего пазла, создание которого должно озаряться радостью».

Шатер «Упсала-цирка» разрисовал художник с шагаловским началом Александр Войцеховский, носящий главный псевдоним неформального братства – Петрович. У Петровича есть такой персонаж – Племянник, который вдохновил «Упсала-цирк» на создание целого спектакля. В нём рыбак удит ботинки, палуба парохода «Святослав Рихтер» (прямо как на картине Петровича) пружинисто подбрасывает вверх моряков и пассажиров, а странной парочке – тёте и племяннику в длинных шортах, очках и шапочке – благоволит весь мир, они прямо-таки кристаллизуют радость вокруг себя. Для спектакля не хватало главного – самого Племянника («такого Форреста Гампа», – уточняет Лариса). Пока однажды в студии не появился за руку с мамой особый ребёнок Антон. В розовых очках и шапочке. Ну просто вылитый Племянник. Через два года работы с ним стало ясно, что можно делать спектакль. Сегодня «Племянник» побывал уже в пятнадцати городах России и в европейском турне.

«Наш Антон три года учился делать сальто. Шлёпался, вставал, вытирал сопли и прыгал снова. Однажды, когда мы были в одном из турне, видим – Антоха крутит сальто. Учимся с ним ходить по скамейке – он это не любит, ловит мой «особый» взгляд (пойдём, мол, на скамейку). Я не знаю, когда у него получится по ней идти – может, через семь лет, а может, никогда, но он преодолевает себя. Яна Тумина гениально создаёт им такие ситуации, когда преодоление происходит в творчестве. И когда хочется смеяться, даже хохотать – а это так важно даже для взрослого театра.

Если к нам придёт неспортивный, полный мальчик – значит, он будет много

работать: мы не станем лепить из него плохого клоуна только потому, что он ничего не может. Ведь в идеале клоун умеет всё: клоун, как Слава Полунин, появляется и занимает своё место».

Цирк vs тубик

Я прошу набросать несколько портретов бывших воспитанников-артистов «Упсала-цирка» и вижу, что это для Ларисы самый приятный вопрос.

Катя Скворцова сейчас живёт в Дрездене, разрабатывает программы для детей с ограниченными возможностями методом циркового искусства, растит собственного ребёнка. Когда-то её позвали вместе с подружкой Наташей Кашиной, девочками из сложных семей, живущих в районе, полном коммуналок. Наташа сейчас получает второе образование, работает в цирке тренером в группе особых детей.

Коля Грудино пришёл в цирк девятилетним обаятельным пацаном, но несколько лет метался между цирком и Московским вокзалом (и тубиком с клеем). Пока однажды между ним и Ларисой не состоялся «серьёзный мужской разговор»: «Вот тебе твой тубик», – говорила она. – Можешь идти, но тогда в цирк ты больше не войдёшь». «Я, конечно, блефовала и не была готова вот так вот закрыть за ним дверь. Но Коля выбрал цирк. Спустя несколько лет попробовал с ним завязать, поступил в институт, но вскоре понял, что ему это скучно. Работал в Китае по контракту цирковым артистом, сейчас у нас тренером».

Вонючая шоколадка

27 мая состоялась последняя премьера «Упсала-цирка» – «Точка» – документальный спектакль, в котором играют

ученики коррекционной школы № 1, где содержатся малолетние преступники. Взрывной коктейль паркура, вокала, жонглирования покрывками, трюков – и подлинных историй юных сидельцев. Место действия – детская площадка, место схода, точка.

«Один мальчик рассказал историю про вонючую шоколадку. Как он хотел шоколадку, не выдержал и украл. Поймали. Вызвали маму. Отдали в эту школу – отобрали свободу. Из-за одной «вонючей шоколадки» запустили весь этот механизм, лишили свободы. У другого случилось что-то посерьёзнее: увидел велосипед своей мечты и не утерпел; дома накрыл его белой простынёй, так он ему понравился. Агрессоров с немотивированной жестокостью я в этой школе не встретила – мне попадались только воры «вонючих шоколадок». Воровстве ведь тоже есть какая-то своя модель поведения, жажда адреналина, которого они где-то недополучили. Мне важно было нащупать и понять эти проблемные зоны, проанализировать истории ребят, которым взрослые вынесли свой приговор. Это же ещё со сталинских времён тянется – с 12 лет человек несёт уголовную ответственность. Тогда, правда, расстреливали, теперь это отменили, но сам принцип наказания остался. Выстроена целая система со своей структурой, бухгалтерами-учителями-юристами, государственными деньгами. И сотрудники этой системы заинтересованы в том, чтобы её сохранить, а не создавать всякие ипподромы, альпинистские клубы и цирки, социальные институты и психологическую помощь. Но двенадцатилетний человек НЕ ДОЛЖЕН оставаться за колючей проволокой».

XXXXXXXX

The Bifurcation “Spot”

XXXXXXXXXXXX

Olga FOUX
Photos courtesy of the Upsala Circus press service

WHEN A STUNT FAILS CIRCUS ACROBATS SAY, “OOPS!” BUT ONE CAN’T JUST WALK OUT OF THE ARENA AFTER A BOTCHED STUNT. AND THAT’S WHEN CIRCUS ACROBATS SAY, “ALLEZ!” – AND THEY GET UP AND START OVER. THE TITLE – UPSALA – WAS BORN OUT OF THE COMBINATION OF THESE TWO WORDS. THE ST PETERSBURG UPSALA CIRCUS ACCEPTS DIFFICULT TEENS, CHILDREN WITH DISABILITIES, CHILDREN FROM ORPHANAGES, CHILDREN WHO ARE DISPOSED TO VAGRANCY, HAVE COMMITTED A CRIME AND ARE SERVING THEIR SENTENCE.

The idea behind it is simple. You fall, you get up. You stumble, you try again. Find the boundary between mortal fear and boundless happiness that circus balances on.

Find on it the bifurcation point and forever turn your life toward the better.

The Upsala Circus is of an adolescent age (it was born in 2000), and its actors are teenagers. In 2000, one of the Upsala Circus founders, director Larisa Afanasyeva, was moonlighting in a tent on Nevsky Prospect, feeding boys on the street, while the other, Astrid Schorn, was looking for an opportunity to obtain a social worker diploma. Several of the boys followed them. They had the whole of St Petersburg at their disposal: streets, parks, public gardens – they can rehearse until they

Astrid Schorn

УПСАЛА-ЦИРК

are chased away or until the weather gets cold. A little later they were joined by Yaroslav and Pyotr Mitrofanov, real circus acrobats. And they stayed for good.

Today the Upsala Circus boasts a beautiful circus tent on Sverdlovskaya Embankment with shower rooms, changing rooms, a dance hall, and office, a spacious kitchen (the tent was acquired only after the circus turned eleven years old and still remains the only one of its kind in Russia). They have several smaller units (“Special Child”, “Circus Behind a Fence”, the Flying Children festival, and others). They have their own school where children are turned into circus artists but about five years later they take the parts away for the younger generations: Upsala Circus passes just like childhood. And just like childhood it determines all of one’s future destiny. They have an impressive repertoire (“Guardian of Dreams”, “Ping-Pong Ball Effect”, “Dogs”, “The Nephew”, “The Spot”). They have considering touring activity (over five hundred trips) across Russia and Europe. They have international awards. They have their own method and their own business model that allows them to have an independent existence and even to pay large taxes to the government. And the case history of the circus includes an

We realized that we needed to look for people who were passionate about circus. And we were finding them – the Mitrofanov brothers, for instance, who are with us to this day. We had agreed that we would be doing quality circus instead of just working as entertainers.

We constantly kept having to prove to officials the need to allocate a small room to us, but in response they always sought to find out how they would benefit from that. Now, 16 years later, I can say that we received interesting survival experience and I am even grateful for it.”

Larisa

“I studied in Ulan-Ude at directing faculty of the Institute of Culture. In my third year we went to St Petersburg and I fell in love with that city. That’s why I entered the Russian State Institute of Performing Arts for some experimental class that I was even thrown out of once, which I don’t regret in the least. I didn’t find in the drama theatre the measure of truth and conventionality that is important to me. I see adult men and women play theatre but I don’t see in that a celebration and happiness. Socializing with kids is a whole other story. The most important thing here is to avoid putting an adult mask on them. Children’s creativity is, unfortunately, frequently turned into a somewhat vulgar imitation of the adult world: the adults enjoy it and the kids copy that behavior model because they see the adults’ reaction to that vulgar cuteness.”

Pure Makarenko

“You go down the street and you see eight or nine year old boys sitting in a row in the Gostiny Dvor and sniffing glue. Childhood prostitution was clearly thriving at the Ekaterina’s Garden (also known as Katka’s Garden). There was a famous cafeteria on the

endless search for facilities and money, a fight for the kids: with alcoholic parents, with an implacable orphanage director, with vigilant officials, with wild buddies who drag them back down to the bottom. Larisa Afanasyeva, the Upsala Circus’ irreplaceable administrative and stage director, shows me her cozy round home and tells her story.

Astrid

“The unique GDR romanticism, worry over Russia and the past war prompted our Astrid, who was studying to become a social psychologist, to go to St Petersburg. Her thesis project was as follows: go to some other country and do something good there. Astrid chose St Petersburg. And she discovered a lot of “street” kids there. One day she took out three balls that she knew how to juggle, and she saw a response. I met her when Astrid’s Russian language skills were not yet very good. She had a hard time adapting. And I was trying to convince her that she couldn’t abandon the kids that were already following her. And I started helping her. Astrid was terribly disappointed when she saw that officials weren’t interested in projects of this type, but it was a good thing that she became aware of that very quickly.

Fontanka River: kids could eat there for free, drugs were also sold right there and pimps hung out nearby. And there were so many such attics, basements, “spots.” You couldn’t count on any police. Individual cops sometime would drive out the glue-sniffing boys, they could also send a kid from the provinces home at government expense. As a whole, though, the system worked for that business.

Even before I got to know Astrid, I had this idea to get the boys that I began communicating with on Nevsky Prospekt together. Not because helping kids is oh so noble, but because it makes the GREATEST amount of sense: only by solving the kids problems can we start doing something else.

The system for helping kids is still not in place. People simply... ate their fill, filled up on credits. Moscow and St Petersburg are the happening towns now, that is partly the reason why the homeless kids were taken off the street. Some kind of shelters started popping out, some transitional services, noncommercial organizations: this problem has hit its bottom and now something is starting to somehow get done. And yet, the abandoned, lost, unwanted kids is something that will always be around.

We are now looking for kids not on the streets but in reform schools, for instance, even though the majority of those who end up there do not need to be reformed but rather require a solution for their neglected family problems. But they are rubber-stamped as reform school students and that mark stays with them for life. Not far from our circus there’s a school for children with deviant behavior, and the teachers there still wear white coats! The kids are boisterous – their energy is overflowing. But those who start coming to our circus undergo noticeable changes. Some of them we try to move to a regular school to avoid the brand of reform education.”

Nephews

“Two extremes appear when people start working with kids with disabilities. The first one: special children are angels that came down to earth to give us, sinners, a chance to understand some things and to redeem ourselves. The second one: they are the same as us, no difference, let’s stage Gogol and Dostoyevsky with them. Both positions make no sense to me. The things that do make sense (and here we are in agreement with our director Yana Tumina who is excellent at working with special children) are creative work and joy that we produce from what is available to us. Yana is correct in saying that if we use only one color in our work (for instance, by trying to figure out which one of us is an angel and which one is a sinner) that color will fade very quickly. As a spectator, I don’t care who stands before me – whether it be a person with Down Syndrome or with protruding ears, I care about the image that they create. In our creative work we are all – with a syndrome or with an ear or with a shorter leg – parts of the bigger puzzle, the creation of which should be lit up with joy.”

The Upsala Circus tent was painted by Alexander Voitsekhovskiy, an artist who takes his origins in Chagall’s work. He has a character – the Nephew, who inspired the Upsala Circus to create an entire production. In it a fisherman fishes for boots, the deck of the “Svyatoslav Richter” steamboat is bouncing the sailors and passengers up into the air, and the entire world looks favorably upon an odd couple – an aunt and her nephew in long shorts, glasses and a little cap – they seem to literally crystallize happiness around them. The only thing the production was missing was its most important part – the Nephew himself. Until one day a special child by the name of Anton came to the studio holding his mother

by the hand. He was wearing pink glasses and a little cap. Every inch the Nephew. After two years of working with him it became clear that we can start putting together the production. As of today "The Nephew" has already toured in fifteen Russian cities and in Europe.

"Our Anton was learning to do a somersault for three years. He would plop down, get up, wipe his snot, and jump again. One day, when we were on a tour, we saw Antokha spinning those somersaults. We are teaching him to walk on the balance bench – he doesn't like it. I don't know when he'll be able to walk on it – maybe in seven years, maybe never, but he is rising above himself. Yana Tumina is brilliantly setting up situations for them when rising above themselves is merely part of the creative process."

Circus vs tube

I ask Larisa to draw several portraits of the former Upsala Circus student artists and I see that she likes this question more than any others.

Katya Skvortsova is currently living in Dresden, developing programs for children with disabilities using the circus art method and raising her own child. One day she and her friend Natasha Kashina, girls from difficult family situations, living in an area full of communal apartments. Natasha is currently getting her second education, working in a circus as an instructor for special children.

Kolya Grudino came to the circus as a charming nine-year-old boy, but for several years he was torn between the circus and the Moscow Railway Station (and a tube of glue). Until one day Larisa and he had a "serious man-to-man talk": "Here's your tube," she said. "You're free to go, but then don't come back to the circus." "I was bluffing, of course, and wasn't prepared to close the door behind him. But Kolya chose the circus. Recently he

finished a circus performer contract in China and is now working here as an instructor."

A stinky chocolate bar

May 27 marked the final premiere of "The Spot" – an Upsala Circus documentary performance where actors are students from Reform School No.1, a facility for juvenile delinquents. An explosive cocktail of parkour, vocals, hubcap juggling, stunts and the young inmates' real stories. The setting is a children's playground, a gathering place, the spot.

"One boy told us a story about a stinky chocolate bar. About how much he wanted it, how he broke down and stole it. He was caught. They called his mom. Took him to this school – took away his freedom. Launched this entire mechanism, imprisoned him because of one "stinky chocolate bar." Another saw his dream bicycle and couldn't help himself; he liked it so much that when he got home he covered it with a white sheet. I have not met any aggressors who act with unmotivated cruelty in that school – all I've seen were "stinky chocolate bar" thieves. Theft, after all, also has some type of behavior model, the thirst for adrenaline that they were shortchanged on somewhere.

This is coming to us all the way from Stalin's times – a man is criminally responsible starting from the age of 12. Granted, back then they would face a firing squad and they don't now, but the principle remains the same. They built an entire system with its own structure, its accountants-teachers-lawyers, public funds. And the employees of that system are interested in preserving in rather than creating some race tracks, rock climbing clubs and circuses, social institutes and psychological help. But a twelve-year-person SHOULD NOT remain behind a barbed wire."

DAE POREHENT. EPUDA VENEM. UNDEST ET FUGIAE
VENET LABO. NEQUOS SUMENITIA AUT ANDELIQUAM
VELIBUSAMENT UT VERIA VERFERUM ET DIS UT ISIT
ANDESTI ORIANISSUM NOSSIMET MIN EX EXCEPRO
EUM ALITIIS DELECTIA VENIS ET ALIS EXCEPUDI
CUPTAT QUIS UNT ESTRUNT

